

Хазимуллина Елена Евгеньевна

**В УМЕ ЛИ СЧАСТЬЕ ИЛИ "ГОРЕ ОТ УМА"? (КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В РУССКОЙ
КОГНИТИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА)**

В статье рассматривается взаимодействие языковых и неязыковых знаний об уме, его квалификация как счастья или горя в русской когнитивной картине мира, устанавливаются факторы, мотивирующие концептуализацию и ее изменение. Фактический материал показывает, что кристаллизация важнейших представлений человека о мире происходит в языке (это мотивированный процесс); значения языковых единиц репрезентируют неязыковые знания, выполняют по отношению к ним знаковую, дейктическую, функцию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 189-192. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, намеренные аномалии могут быть, среди прочего, охарактеризованы как особенности авторского стиля, отражающие индивидуально-авторскую картину мира.

В целом эстетически ценное нарушение нормы (сознательный уход от жанрового канона, эксперименты с языком, интенциональные девиации) – это одно из проявлений личностного начала, самобытности говорящего/пишущего, его креативного отношения к языку.

Список литературы

1. **Апресян Ю. Д.** О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики: ответ Н. Ю. Шведовой // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 23-46.
2. **Арутюнова Н. Д.** Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. **Гаспаров М. Л.** Фигуры стилистические // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.
4. **Гладких Н. В.** Проза Даниила Хармса: вопросы эстетики и поэтики [Электронный ресурс]. URL: <http://gladkeeh.boom.ru/Kharms/Glava2.htm> (дата обращения: 12.03.2010).
5. **Гридина Т. А.** Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность: мат-лы докладов и сообщений Всероссийской науч. конф. (25-26 апреля 2002 года). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2002. С. 22-27.
6. **Емельянова О. Н.** Троп // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта, 2005. С. 333-334.
7. **Ивлева С. В.** Семантический абсурд [Электронный ресурс]. URL: <http://vspu.ru/kaf/prepodavately/ievleva-snezhana-valerevna/publikacii/semanticheskii-absurd/view>
8. **Копнина Г. А., Сковородников А. П.** Риторический прием // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта, 2005. С. 271-275.
9. **Куликова Э. Г.** Норма в лингвистике и паралингвистике. Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2004. 300 с.
10. **Мурзин Л. Н.** Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация, функционирование. М.: Наука, 1989. С. 5-13.
11. **Радбиль Т. Б.** Языковые аномалии в художественном тексте: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006. 496 с.
12. **Санников В. З.** Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
13. **Сковородников А. П.** Алогизм // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта, 2005.
14. **Хазимуров Т. Г., Ширина Л. С.** Общая риторика. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 316 с.

LANGUAGE ANOMALIES CREATIVE POTENTIAL

Fedyaeva Natal'ya Dmitrievna, Doctor in Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University
ndfed@yandex.ru

The author considers such norms action sphere, significant for culture, as language use traditions, including the traditions of not only following, but also conscious aesthetically valuable canons violation, basing on the experience of normative/substandard phenomena continuum formation, accumulated by the native linguistics, emphasizes “useful deviations” system value for linguo-culture and the speaker’s linguo-creative activity, logically uses the notions of norm and anomaly for the characteristic of tropes and figures of speech, and also the authorial style.

Key words and phrases: norm; anomaly; linguo-culture; the Russian language; trope; figure.

УДК 81-23

Филологические науки

В статье рассматривается взаимодействие языковых и неязыковых знаний об уме, его квалификация как счастья или горя в русской когнитивной картине мира, устанавливаются факторы, мотивирующие концептуализацию и ее изменение. Фактический материал показывает, что кристаллизация важнейших представлений человека о мире происходит в языке (это мотивированный процесс); значения языковых единиц репрезентируют неязыковые знания, выполняют по отношению к ним знаковую, дейктическую, функцию.

Ключевые слова и фразы: когнитивная лингвистика; концептуализация; языковые и неязыковые знания; семантика; мотивированность; ум; счастье; горе.

Хазимуллина Елена Евгеньевна, к. филол. н.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
lenahk@gmail.com

В УМЕ ЛИ СЧАСТЬЕ ИЛИ «ГОРЕ ОТ УМА»? (КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В РУССКОЙ КОГНИТИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА)®

Категория ума в мировоззрении русского народа получает достаточно сложную, разностороннюю, интерпретацию: ум осмысливается и в сугубо теоретическом, субстанционально-онтологическом, аспекте (определяется

природа ума, выявляются его отличия от глупости, разума, рассудка, связи с мышлением человека, восприятием, сознанием, интеллектом, памятью, мнениями, умениями, речью, поведением и т.д.), и в функционально-практическом (ум оценивается как средство познания, решения практических задач, как инструмент получения пользы, выгоды), и в этическом (выявляется положительное, «доброе», и отрицательное, «злое», воздействие ума на иные сущности). Естественно, что в результате постоянной гносеологической деятельности людей концептуализация ума в русской когнитивной картине мира претерпевает исторические изменения: компоненты неязыковых знаний постепенно становятся элементами значений ментальной лексики, и, наоборот, изначальная семантика уходит в сферу неязыковых представлений. Данный факт обуславливает актуальность синхронно-диахронических лингвокогнитивных исследований, позволяющих проследить подобный дрейф содержания. Серия наших статей посвящена решению этой задачи (в связи с изучением феномена мотивированности языка) – на материале всевозможных словарей, текстов, психосоциолингвистических экспериментов, Национального корпуса русского языка [8; 9; 10]. Здесь мы рассмотрим лишь небольшую часть концептуализации знаний об уме – его квалификацию русскоговорящими как счастья или горя.

Как и у многих других общеславянских наименований, первичный мотивировочный признак слова *ум* утрачен, его внутренняя форма теперь не осознается. Согласно одной из версий, это слово является производным от той же основы, что *ук-* в словах *учить, наука, навык, привыкать* [12, с. 34], которые генетически связаны с др.-инд. *isuati* – «находит удовольствие, имеет обыкновение» (родственного и.-е. **iik-*) и *dikas* – «удовольствие, удовлетворение». Данные семы никак не представлены в современном значении русского существительного *ум* или глаголов *учить, учиться*, в речевых смыслах они тоже актуализируются крайне редко: *Ум служит единственно возможным источником наслаждения* [5] – уникальное встретившееся нам во всем массиве текстов высказывание; единичными являются и ассоциативные реакции *ум* → *хорошо, мудрость* → *это здорово, ценность* → *ум* [3, с. 334, 686, 716]. Напротив, согласно представлениям, содержащимся в русской когнитивной картине мира, процесс мышления, умственная деятельность человека – это тяжелая, утомительная работа, а отнюдь не удовольствие. См. ассоциаты: *ум* → *работа; голова* → *работать, мозг* → *(не) работает, работать, должен работать, устал; мозги* → *напрячь, не работают; думать* → *напрягать мозги, напрягаться, напряженье, работать головой, трудиться, трудно, туго, тяжело, неохота; подумать* → *работа, работать, трудиться, потрудиться; мыслить* → *работать, усиленно, трудно, мучиться* [Там же, с. 138, 168, 183, 326, 339, 466]. Ср. также русские пословицы: *Идти в науку – терпеть муку; Без муки нет и науки; Кто хочет много знать, тому надо мало спать; Кто больше знает, тот меньше/плохо спит; Что мир учит, то людей мучит; Много думать – голову кружить; Дума, что борода: лишняя тягота.*

Среди 5 тысяч расширенных контекстов Национального корпуса русского языка, помимо приведенного выше высказывания А. П. Чехова об уме как источнике наслаждения, нам встретились еще два подобных: В. А. Жуковского – о том, что *«счастье... есть... вера и твердый ум среди обстоятельств»*, Ю. Андреева и В. Лебедева – об уме как о *«самом ценном человеческом капитале»*. Гораздо чаще реализуются контексты типа *больше всего мне вредит ум мой; убытки ум дает; ум умом, а пожить хочется* и т.п. А. А. Зализняк, анализируя концепты «счастье» и «наслаждение», отмечает тенденцию «невысокой оценки ума» в русской языковой картине мира: «...согласно представлению русского языка, красивое доказательство теоремы или остроумная шутка доставляет нам именно удовольствие, а не радость: интеллектуальные удовольствия стоят в русском языке в одном ряду с физиологическими и моторными удовольствиями и не пересекаются с тем рядом, где находятся радости», т.е. русский язык отводит уму «место в “низкой” сфере, объединяя интеллектуальное с телесным и противопоставляя его душевному и духовному» [2, с. 88].

По-видимому, подобные представления об уме, не являющем собой большой ценности, были сформированы не только в силу религиозно-христианского мировоззрения русского народа, но и благодаря своеобразию его социально-исторического опыта. Как полагают Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин, русскому сознанию свойственно иметь «консолидированное мнение», примыкать к точке зрения авторитетов: «В соборном обществе нарушается личная независимость, неприкосновенность человека (“общественность”, “мир” на все имеет право); формируется высокая зависимость члена общества от других людей; развивается повышенное внимание к успехам и достижениям других, почва для постоянного недовольства успешными согражданами (“Какое несчастье родиться в России с умом и талантом!” – А. С. Пушкин); возникают зависть, сплетни...» [6, с. 100-105]; ср. русские пословицы: *Сын отца глупее – жалость, сын отца умнее – радость; а брат брата умнее – зависть и Свой дурак дорожке чужого умника.* Примечательно, что демонстрация чьих-либо умственных способностей (например, с помощью речи, поведения) оценивается говорящими, как правило, крайне негативно: *Он выставляет напоказ свой ум; Он всякого переумничает; Не умничай: умнее тебя в тюрьме сидят; Доумничаешься ты до чего-нибудь.* 10,2% наших респондентов (студентов Башкирского госпедуниверситета) считают немаловажным качеством умного человека скромность (*умный* – «*тот, кто не кричит о том, что он умный*», «*не демонстрирует свой ум*», «*ведет себя скромно*», «*не умничает*» и т.д.; то же знание репрезентирует языковая семантика слов *умник* – ‘1. Умный, толковый человек. | Ирон. Тот, кто допустил грубый промах, что-л. не учел, не додумал. 2. Тот, кто умничает, считает себя умнее других’; *умничать* – ‘*Неодобр.* 1. Стараться выказать свой ум в разговорах, в рассуждениях. 2. Мудрить, необоснованно усложнять, запутывать какое-л. дело, положение и т.п. | Поступить по-своему, считая себя умнее других’; *заумно* < *заумный* – ‘Излишне мудреный; непонятный, нелепый’ [7, с. 221, 868]).

Между тем идея счастья актуализируется в сфере неязыковых знаний и благодаря генетической взаимосвязи единиц *ум* и *уметь* (общеславянский глагол *уметь* является суффиксальным производным от **ит-*).

В русских пословицах и поговорках содержатся сведения о том, что практический, житейский ум (= умение) позволяет человеку не только выходить из затруднительных ситуаций, но и – в сочетании со смекалкой, находчивостью (сообразительностью, догадливостью), изворотливостью, хитростью, лукавством, мудростью, здравым смыслом или (верным) расчетом – добиваться успеха, строить счастье, богатеть: *Где ум, там и толк; Не без ума, так и не без промысла; Умная голова сто голов кормит, а худая себя не прокормит; С пустой головой счастья не нажить; Дурак только в сказках удачлив; Был бы ум – деньги будут/будет и рубль* (ср. синонимы *бестолковый – глупый*, а также др.-рус. *дооумѣнье* – ‘достаток, изобилие’); *Счастье без ума – дырявая сума; Дай бог с умным потерять, не дай Бог с дураком найти; Чем умнее голова, тем легче плечам*. Инструментальный ум связывает с успешностью, преуспеванием, умением «устроиться в жизни», счастьем большинство наших респондентов: умный человек *«живет так, как требует жизнь, поэтому ему всегда находится в счастливом и удачном положении»*.

Следует отметить, однако, то, что ум все же не рассматривается русскоговорящими как абсолютная ценность: *Умелый/умный не стоит счастливого*. Мысль о том, что *Умный и без денег богат*, выражает единичное число паремий. Сам по себе ум не составляет счастья или богатства человека, он – всего лишь орудие, средство достижения счастья, благосостояния, да и то лишь ум в определенной, социально-нормативной, мере. Важно подчеркнуть, что ум, осмысляемый в соотношении с глупостью, в русской когнитивной картине мира характеризуется нравственно-этической маркированностью. Паремиологический фонд русского языка показывает, что глупость бывает предпочтительнее ума по ряду причин: во-первых, глупый человек не обременен излишней глубиной понимания происходящего, грузом тягостных сомнений, свойственных умным людям (*С умом жить – мучиться, без ума – тешиться; Лишние догадки невпопад живут; Без ума житье – рай*); поэтому, во-вторых, глупый, но добрый, наивный, простосердечный человек, в отличие от умного, счастлив (*Где умному горе, там глупому веселье; Дураку везде счастье*). В-третьих, дуракам, несмотря на отсутствие ума и таланта, часто везет: *Хоть дурак, да съел бурак, а умный и так; Умный сам по себе, а дураку бог на помощь; И дурак ездит в карете, а и с умом ходит пешком*. И, наконец, в-четвертых, умные люди, по народным представлениям, чаще бывают эгоистичными, гордыми, злыми, чем глупые, ср. окказионализм М. Е. Салтыкова-Щедрина *благоглупость*, вошедший в словарь русского языка.

Ум может быть разрушительным. Данная его характеристика отражается во взаимосвязи с древними значениями слов *дума, думать*; информация о способности высокоразвитого и/или заносчивого ума ранить содержится во внутренней форме, а следовательно, и в потенциальной семантике словосочетания *острый ум*. Примечательно то, что исторически «орудийные» метафоры, описывающие умственные способности человека, актуализирующиеся в его речи и поведении, создаются на основе архисем ‘резать’ (< и.-е. **ureg-* – «рвать», «ломать» [11, с. 107], ср. *разить, разящий, резкий ум, язвительный* (= ранящий) < *язва* ‘рана’. Аналогичные процессы на материале германских и романских языков устанавливает В. В. Левицкий: в частности, сема ‘резать’ порождает многие лексические значения – ‘резать, отделять’ → ‘воспринимать, узнавать’, ‘умный, ловкий’. Промежуточными звеньями, с точки зрения исследователя, могут быть следующие семантические переносы: «резать > делать насечки > считать, думать» (ср. рус. *считать* – ‘думать, полагать’) и «резать > острый > остроумный» [4, с. 353].

Завершая беглое рассмотрение данного фрагмента русской когнитивной картины мира, необходимо отметить следующее: 1) кристаллизация важнейших представлений человека о мире происходит в языке; 2) содержание языка «дрейфует» в зависимости от результатов познания, практического и социально-исторического опыта народа, и это всегда мотивированный процесс; 3) емкие, лаконичные значения языковых единиц репрезентируют богатейшее неязыковое поле концепта (выполняют знаковую, дейктическую, функцию по отношению к последнему, согласно теории Л. М. Васильева [1]).

Список литературы

1. Васильев Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сб. избранных ст. Уфа, 2006. 524 с.
2. Зализняк А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1. С. 85-105.
3. Караулов Ю. Н., Черкасова В. А. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: АСТ; Астрель, 2002. Т. I. От стимула к реакции. 784 с.
4. Левицкий В. В. Семасиология. Винница: НОВА КНИГА, 2006. 512 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
6. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. 326 с.
7. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2005. 960 с.
8. Хазимуллина Е. Е. Когнитивный аспект мотивированности языка (на примере отражения знаний об уме в русской картине мира) // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 476-481.
9. Хазимуллина Е. Е. Ум – знания – умения: дрейф языковых и неязыковых представлений в русской картине мира // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 763-769.
10. Хазимуллина Е. Е. «Ум с сердцем не в ладу»? (Мотивированность языковых знаний неязыковыми в русской когнитивной картине мира) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 32-39.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Изд-е 5-е, стереотип. М.: Русский язык, 2002. Т. 2. 560 с.
12. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 399 с.

**IS HAPPINESS REALLY IN WIT OR “WIT WORKS WOE”?
(CONCEPTUALIZATION IN THE RUSSIAN COGNITIVE PICTURE OF THE WORLD)**

Khazimullina Elena Evgen'evna, Ph. D. in Philology
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
lenahk@gmail.com

The author considers the interaction of language and non-language knowledge about wit, its qualification as happiness or woe in the Russian cognitive picture of the world, determines the factors, motivating conceptualization and its change. Factual material shows that the crystallization of the man's most important ideas about the world occurs in the language (it is a motivated process); language units meanings represent non-language knowledge, perform a symbolic, deictic function with respect to it.

Key words and phrases: cognitive linguistics; conceptualization; language and non-language knowledge; semantics; state of being motivated; wit; happiness; woe.

УДК 81'373

Филологические науки

Мир паремий с давних времен привлекал внимание многих ученых, фольклористов, литературоведов. Пословицы и поговорки включались в состав многожанровых фольклорных собраний, издавались отдельными книгами. Настоящая статья изучает историю собирания пословиц и поговорок и способы их систематизации в сборниках и словарях различных типов и назначений. Цель статьи – дать краткий обзор основных англо-американских, русских и татарских паремиографических изданий, с изучения которых начинается любое сопоставительное исследование пословиц и поговорок.

Ключевые слова и фразы: паремиография; пословица; поговорка; алфавитный принцип; тематический принцип; стержневой принцип.

Хайруллина Динара Дилшатовна, к. филол. н.

Казанский федеральный университет (филиал) в г. Набережные Челны
dinara0406@mail.ru

**ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ,
РУССКИХ, ТАТАРСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК©**

Актуальность данной работы обусловлена неослабевающим интересом современной лингвистической науки к сопоставительным исследованиям на материале разноструктурных языков, таких как английский, русский и татарский, что содействует расширению более общих проблем как чисто типологического, так и общезыковедческого плана. Проблема изучения и описания паремиографических источников не получила окончательного систематизированного анализа ни в одном из рассматриваемых языков. В рамках настоящей статьи нами были поставлены следующие задачи: систематизировать научные знания в области лексикографирования пословиц и поговорок в английском, русском и татарском языках; отметить словари, актуальные в прошлом и востребованные в современный период; выявить сходства и различия в свойственных этим языкам способах систематизации материала.

Интерес к пословицам и поговоркам как виду народного творчества зародился в глубокой древности. Еще Аристотелю приписывали первые записи пословиц, он называл их сохранившимися обломками древней философии: это правдивые, остроумные, прямо или иносказательно выраженные мнения, которые, составляя мудрость народную, пользовались всеобщим уважением и веками освященным доверием. Записями пословиц также занимались греческие, александрийские и римские ученые. В 1500 г. Эразм Роттердамский опубликовал свод античных пословиц «Adagia». Восточные культуры дали богатые образцы древнееврейских, индийских, арабских и других пословиц, получавших литературную обработку (Библия, Панчатантра, Коран и др.).

Дата первой письменной фиксации английских пословиц относится к XI веку, однако англо-американские паремиологические словари стали появляться лишь в XVI веке. Зачастую отбор в ранние сборники был не очень строгим, и в них наряду с пословицами и поговорками входили смежные с ними явления: фразеологизмы, загадки, приметы, книжные изречения, прибаутки, крылатые фразы, скороговорки и т.д. Первым английским паремиологическим изданием является сборник Дж. Хейвуда «A Dialogue Containing the Number in effect of all the Proverbs in the English Tongue» (1546 г.), в котором языковые единицы были расположены в алфавитном порядке. Большинство последователей Дж. Хейвуда в той или иной степени использовали его собрание, а «его книга пробудила интерес к коллекционированию пословиц, который длился более или менее стабильно два столетия» [5, р. 14]. После сборника Дж. Хейвуда значимыми алфавитными собраниями английских и